

КОНФУЦИЙ

СУЖДЕНИЯ И БЕСЕДЫ

Мудрость веков

Конфуций
Суждения и беседы

«АСТ»

2016

УДК 1(510)
ББК 87.3(5Кит)

Конфуций

Суждения и беседы / Конфуций — «АСТ»,
2016 — (Мудрость веков)

ISBN 978-5-17-097902-8

Книга «Суждения и беседы» – это записи высказываний Конфуция, сделанные его учениками и последователями. В конце книги вы найдете биографию Конфуция написанную Павлом Сергеевичем.

УДК 1(510)
ББК 87.3(5Кит)

ISBN 978-5-17-097902-8

© Конфуций, 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	16
Глава IV	23
Глава V	27
Глава VI	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Конфуций

Суждения и беседы

В 15 лет я обратил свои помыслы к учению.

В 30 лет – я обрел прочную основу.

В 40 лет – я сумел освободиться от сомнений.

В 50 лет – я познал волю Неба.

В 60 лет – я научился отличать правду от лжи.

В 70 лет – я стал следовать зову моего сердца и не нарушал

Ритуала

Конфуций

Глава I

Не приятно ли учиться...

1 Философ сказал: «Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не тот ли благородный: муж, кто не гневается, что он не известен другим?»

Все люди по природе добры, но одни из них прозрели раньше, а другие позже, поэтому позже прозревшие только при обязательном условии подражания знаниям и поступкам прежде прозревших могут очистить свою природу и вернуть ей ее первобытные совершенства¹.

2 Ю-дзы сказал: «Редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновнею почтительностью и братскою любовью, любил бы восставать против старших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не любит восставать против высших, захотел произвести возмущение. Совершенный муж сосредоточивает свои силы на основах; коль скоро положены основы, то являются и законы для деятельности. Сыновняя почтительность и братская любовь – это корень гуманности».

Ю-цзы – ученик Конфуция по имени Жо, отличавшийся сыновней почтительностью и братскою любовью.

Гуманность – это закон любви и свойство человеческого сердца, а послушание и братская любовь – это ее проявления.

3 Философ сказал: «В хитрых речах и во вкрадчивом выражении лица редко встречается гуманность».

4 Цзэн-цзы сказал: «Я ежедневно исследую себя в трех отношениях: обдумывая что-либо для других, был ли я предан им, был ли искренен в отношениях с друзьями и усвоил ли я то, что было преподано мне Учителем».

Цзэн-цзы – ученик Конфуция по имени Шэнь, по прозвищу Цзы-юй. Между другими учениками Конфуция Цзэн-цзы отличался сосредоточенностью и потому верно передавал то, что им было усвоено от Конфуция. Жаль, что его прекрасные изречения и хорошие поступки не все сделали достоянием потомства. Этот параграф может быть переведен

¹ Курсивом даны примечания переводчика.

еще и так: «Обдумывая что-либо для других, быть может, я не был предан их интересам» и т. д.

5 Философ сказал: «При управлении княжеством, имеющим тысячу колесниц, необходимы постоянное внимание к делам и искренность в отношении к народу, умеренность в расходах и любовь к народу с своевременным употреблением его на работы».

По мнению Чэн-цзы, блестящее правление Яо и Шуня заключалось только в осуществлении в полной мере этих пяти принципов.

6 Философ сказал: «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома – уважительна к старшим, отличаться осторожностью и искренностью (правдивостью), обильною любовью ко всем и сближаться с людьми гуманными. Если по исполнению сего останется свободное время, то посвящать его учению».

7 Цзы-ся сказал: «Если кто из уважения к людям достойным отказывается от похоти, служит родителям до истощения сил, государю – до самопожертвования и в сношениях с друзьями честен в своих словах, то я, конечно, назову такого ученым, хотя бы другие признали его невежей».

Цзы-ся – ученик Конфуция по фамилии Бу, по имени Шан.

8 Учитель сказал: «Если совершенный муж (изюнь-цзы) не солиден, то он не будет вызывать уважения к себе в других и знание его не будет прочно. Поэтому поставь себе за главное преданность и искренность; не дружись с людьми, которые хуже тебя; если ошибся, не бойся исправиться».

9 Цзэн-цзы сказал: «Если мы будем рачительны в отдавании последнего долга родителям и будем вспоминать (т. е. приносить жертвы и проч.) об отшедших, то народная нравственность улучшится».

10 Цзы-цинъ спросил у Цзы-гуна: «Философ, прибыв в известное государство, непременно собирал сведения об его управлении. Домогался ли он этого, или же ему сообщали их?» Цзы-гун отвечал: «Философ приобретал их благодаря своей любезности, прямоте,

почтительности, скромности и уступчивости. Не отличался ли его способ собирания их от способа других людей?»

Цзы-цинъ по фамилии Чэн, по имени Кан, а Цзы-гун по фамилии Дуан-му, по имени Цы, вэйский уроженец – оба ученики Конфуция. Другие полагают, что Цзы-цинъ был учеником Цзы-гуна.

11 Философ сказал: «Кто при жизни отца всматривался в его намерения, а по смерти смотрит на его деяния и в течение трех лет не изменяет порядков, заведенных отцом, того можно назвать почтительным».

Несмотря на прямой и вполне согласный с китайской моралью смысл этого параграфа, переданный и нами, некоторые толкователи с Чжу-си во главе придают ему совершенно другой смысл, а именно: «При жизни отца смотри на направление воли сына, а по смерти его – на его поступки». Такое толкование не согласуется и с последующей фразой

о неизменении в течение трех лет порядка, т. е. образа деятельности отца, если слово «деяния» мы будем относить к сыну, а не к отцу.

12 Ю-цзы сказал: «В приложении церемоний (житейских правил) дорога естественная непринужденность, которая в правилах древних царей признавалась превосходной вещью и которой следовали и в малых, и в больших делах. Но бывают случаи, что и она не действует, ибо знать только, что она дорога и ограничиваться ею одною, не регулируя ее церемониями, также невозможно».

Смысл этой, довольно-таки темной, тирады заключается в том, что церемонии или правила, определяющие всю деятельность человека, не должны нарушать естественной непринужденности; но с другой стороны, и эта последняя, чтобы не сделаться разнузданностью, должна регулироваться первыми. По толкованию Чэн-цзы, между церемониями, или житейскими правилами, и гармонией, гит естественной непринужденностью, должно существовать полное равновесие без малейшего преобладания, и тогда только деятельность человека будет следовать правильным путем.

13 Ю-цзы сказал: «Если условие согласно с справедливостью, то сказанное можно исполнить. Почтение, если оно согласуется с нормою, избавляет нас от срама. Если тот, на кого опираются, заслуживает сближения с ним, то его можно взять в руководители».

Чем раскаиваться впоследствии, не лучше ли быть осторожным вначале – это общий смысл настоящего параграфа.

14 Философ сказал: «О том благородном муже, который в еде не заботится о насыщении, в жилище не ищет комфорта, быстр в деятельности, осторожен в речах и обращается, для исправления себя, к людям нравственным, можно сказать, что любит учиться».

Стремление к Учению, поглощающее все внимание благородного мужа, не оставляет ему досуга думать о таких мелочах, как пища и комфорт.

15 Цзы-гун спросил: «Что вы скажете о человеке, который в бедности не пресмыкается, в богатстве не заносится?» Философ ответил: «Годится, но он ниже того, который в бедности весел, а в богатстве благопристойен». Цзы-гун сказал: «В Ши-цзине сказано: Как будто обтесана и обточена (слоновая кость), как будто огранена и отшлифована (яшма). Так вот, что это значит!» Философ сказал: «Цы, теперь с тобой можно толковать о Ши-цзине потому что скажешь тебе о прошедшем, ты знаешь и будущее».

Изречение «Ши-цзина» приведено Цзы-гун в объяснение того, что он понял мысль своего Учителя, что путь совершенствования бесконечен.

16 Философ сказал: «Не беспокойся о том, что тебя люди не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».

Глава II

Кто управляет

1 Философ сказал: «Кто управляет при помощи добродетели, того можно уподобить Северной Полярной звезде, которая пребывает на своем месте, а остальные звезды с почтением окружают ее».

Это символ правителя, украшенного всеми добродетелями, влияние которого настолько преобразило народ в смысле нравственного совершенства, что он сам, без всяких понуждений охотно исполняет свои обязанности, так что правителю не остается ничего делать.

2 Философ сказал: «“Ши-цзин” хотя и состоит из 300 песен, но они могут быть объяты одним выражением: “Не имей превратных мыслей!”».

По мнению Чэн-цзы, это может быть выражено одним словом: искренность.

3 Философ сказал: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться».

В первом случае народ будет исполнять предписания закона из страха наказания, а не по сознанию нравственного безобразия преследуемых им явлений, которое вызывало бы в нем чувство стыда и отвращения и искоренило злую волю. Во втором же случае у него является отвращение к пороку как явлению, противоположному его природе, врожденной ему идее добра и чувство стыда пред совершением его. По мнению китайцев, законы – это орудие установления порядка, а наказания – вспомогательные для этого средства.

4 Философ сказал: «В 15 лету меня явилась охота к учению; в 30 лет я уже установился; в 40 лет у меня не было сомнений; в 50 лет я знал волю Неба; в 60 лет мой слух был открыт для немедленного восприятия истины; а в 70 лет я следовал влечениям своего сердца, не преходя должной меры».

Под именем воли Неба разумеются небесные законы, разлитые во вселенной, присущие каждой вещи, каждому явлению и определяющие его деятельность. С полным познанием и совершенным усвоением этих законов, или, выражаясь другими словами, мировой истины, слух человека делается немедленным, непосредственным и покорным проводником ее. Это есть высшая степень знания. В 70 лет человек достигает полного равновесия, той желанной для конфуцианца середины, которая исключает возможность уклонений, и потому ему нет необходимости напрягать усилия для того, чтобы действия его были правильны, они сами по себе свободно правильны: при таком состоянии он, конечно, может следовать влечениям своего сердца без опасения, что оно увлечет его на недолжный путь.

В древности в 15 лет начинали великое учение, т. е. приступали к изучению этико-философских принципов, необходимых для взрослых.

5 На вопрос Мэн-и-изы, в чем состоит сыновья почтительность, Философ ответил: «В непротивлении (послушании)». Когда Фань-чи вез Философа, тот сказал ему: «Мэнь-сунь спросил меня, в чем состоит почтительность, и я отвечал ему: в непротивлении». Фань-чи сказал: «Что это значит?» Философ сказал: «Когда родители живы, служить им по правилам, когда они умрут, похоронить их по правилам и по правилам приносить им жертвы».

Мэн-и-цзы – луский вельможа Чжун Сунь-иш по имени Хэ-цзи. Фань-чи – ученик Конфуция по имени Стой, луский уроженец, бывший у него кучером.

6 Мэн-у-бо спросил Конфуция о сыновней почтительности. Философ сказал: «Отец и мать беспокоятся только о том, не болен ли их сын».

Если сын проникнется этим и будет платить им взаимностью, то он, без сомнения, будет осторожен во всем том, что касается соблюдения себя.

Мэн-у-бо – сын Мэн-и-цзы по имени Чжи.

7 На вопрос Цзы-ю о почтительности Философ сказал: «Современная почтительность к родителям означает быть в состоянии кормить их; но ведь собаки и лошади также получают пропитание. При отсутствии почтительности чем же будет различаться кормление родителей от кормления собак и лошадей?»

Цзы-ю-ученик Конфуция по фамилии Янь, по имени Янь.

8 На вопрос Цзы-ся о почтительности Философ сказал: «В этом случае трудность заключается в выражении лица (т. е. в том, чтобы постоянно иметь веселый, довольный вид). А что младшие братья и дети будут брать на себя заботы о делах, будут угощать родителей и старших братьев вином и кушаньем, то разве это можно считать сыновней почтительностью?»

9 Философ сказал: «Я разговариваю с Хуэем целый день, и он не возражает, как будто совершенно глуп; но когда после его ухода я вникаю в его частную жизнь, то нахожу, что он в состоянии уяснить мое Учение. Хуэй неглуп».

Хуэй – ученик Конфуция по фамилии Янь, по прозвищу Цзы-юань, луский уроженец. Хуэй (Янь Хуэй, Цзы-юань) – один из наиболее замечательных учеников Конфуция, был моложе Учителя на 30 лет.

10 Философ сказал: «Где может укрыться человек, где он сможет укрыться, если мы будем обращать внимание на его деятельность, всматриваться в его побуждения и вникать в то, что ему доставляет удовольствие?»

11 Философ сказал: «Кто повторит старое и узнает новое, тот может быть руководителем для других».

Постоянное упражнение в старом не заключается только в простом повторении старого, потому что это было бы мертвое знание, а в развитии начал, заключающихся в нем и в расширении прежде приобретенного, т. е. старого, путем аналогии; такое знание будет постоянно живым и деятельным знанием, а не мертвым капиталом. Другими словами, старые знания служат канвою, основанием для новых, дальнейших. Видно ли здесь начало застоя? Без постоянного повторения можно опасаться, что старое знание забудется и таким образом не будет почвы (опоры) для приобретения новых знаний.

12 Философ сказал: «Благородный муж не есть оружие, годное только для одного какого-либо употребления».

Каждое орудие имеет свое специальное назначение; но человек, достигший нравственного совершенства, обладая всеми совершенствами, пригоден на все.

13 Цзы-гун спросил: «Кто есть благородный муж?» Философ сказал: «Тот, который сначала действует, а потом говорит».

Другой перевод: «Тот, у которого дело предшествует слову».

14 Философ сказал: «Благородный муж заботится об общих, а не о партийных интересах, а низкий человек, наоборот, заботится о партийных, а не об общих интересах».

Другой перевод: «Благородный муж универсален, но не партиен, а низкий человек партиен, но не универсален».

По толкованию, оба одинаково проникнуты чувствами любви и расположения к людям и вся разница заключается в том, что первый распространяет эти чувства на всех, а второй только на своих присных, на свой кружок.

15 Философ сказал: «Учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно».

По мнению Чэн-цзы, для учения необходимо: много учиться, вникать и расспрашивать, тщательно размышлять, ясно различать и с твердостью осуществлять приобретенное путем учения на практике.

16 Философ сказал: «Исключительное занятие чуждыми учениями может только приносить вред».

17 Философ сказал: «Ю, научить ли тебя Знанию? Что знаешь, то и считай, что знаешь; чего не знаешь, то и считай, что не знаешь, – вот это и будет Знание».

Ю – ученик Конфуция по фамилии Чжун, по имени Цзы-лу, отличавшийся храбростью.

18 Цзы-чжан учился с целью добиться жалованья. По этому поводу Философ сказал: «Много слушать и оставлять в стороне сомнительное, а о прочем говорить осторожно, – тогда будет мало обвинений; много наблюдать и оставлять в стороне опасное, а в остальном действовать осторожно, – тогда будет мало поводов к раскаянию; а если из-за речей будет мало обвинений, а в действиях – мало поводов к раскаянию, то здесь будет и жалованье».

Цзы-чжан – ученик Конфуция по фамилии Чжуан-сунь, по имени Ши.

Общий смысл параграфа тот, что осторожность в словах и поступках служит верным средством к получению жалованья. Это аксиома, не потерявшая значения и в настоящее время.

19 Ай-гун спросил: «Что нужно сделать, чтобы народ был покорен?» Философ отвечал: «Если возвышать прямых людей и устранять бесчестных, то народ будет покорен; если же возвышать бесчестных и устранять прямых людей, то он не будет покорен».

Ай-гун – луский князь по имени Цзян.

20 На вопрос Цзи Кан-цзы, как заставить народ быть почтительным и преданным, чтобы побудить его к добру, Философ отвечал: «Управляй им с достоинством, и он будет почтителен; почитай своих родителей и будь милостив, и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных, и он устремится к добру».

Цзи Кан-цзы – луский вельможа из фамилии Цзи-Сунь по имени Фэй.

21 Некто, обратясь к Конфуцию, спросил: «Почему Вы не служите?» Философ сказал: «Что сказано в Шуцзине о сыновней почтительности [государя Чэня]? Он был всегда почтителен к родителям, дружен с братьями и распространял это на управляемых (т. е. домашних) – это и будет служба. Почему же только занятие известного поста следует считать службой?»

22 Философ сказал: «Я не думаю, чтобы неискренний человек был годен к чему-либо. Каким образом может двигаться большая телега без перекладки для постромок, или малая телега без ярма?»

23 Цзы-чжан спросил: «Можно ли наперед знать, что будет в последующие десять поколений?» Философ сказал: «Династия Инь руководствовалась сяскими правилами, и что было в них убавлено или прибавлено, можно знать; династия Чжоу пользовалась иньскими правилами, прибавления и убавления в которых также можно знать. Если бы случилось так,

что чжоускую династию сменила бы другая, то даже и на сто поколений вперед можно было бы узнать, что будет».

Конфуций проповедовал неизменность основных нравственных принципов, а не институтов и узаконений, на них основанных.

24 Философ сказал: «Приносить жертвы чужим пенатам – это значит выслуживаться. Сознать долг и не исполнять его – это трусость».

Глава III Восемь рядов

1 Конфуций отозвался о фамилии Цзи, у которой было 8 рядов танцоров, танцевавших во дворце, что, если у нее на это хватило присутствия духа, то на что у нее не хватит его?

У императора было 8 рядов танцоров по 8 человек в каждом, у удельных князей – 6 по 6 человек в каждом, у вельможи – 4 по 4 человека в ряду, а у простого чиновника – 2 ряда по 2 человека в каждом. Таким образом, вельможи этой фамилии предвосхитили привилегии императоров.

2 Три фамилии убрали жертвенные сосуды при звуках песни «Юн» (привилегия императора). Философ сказал:

«При царских жертвах соприсутствуют князья, сам император дышит величием.

Какой же смысл употреблять эту песнь в храме трех фамилий?»

Под именем трех знаменитых фамилий разумеются три луских вельможи: Мэн-сунь, Чжунсунь и Цзи-сунь.

3 Философ сказал: «Если человек негуманен, то что толку в церемониях? Если человек негуманен, то что толку в музыке?»

Чэн-цзы говорит: «Гуманность – это истинный Небесный закон, и когда он у трачен, тогда нет ни порядка, ни гармонии; а когда их нет, то для чего же нужны правила и музыка?»

4 Линь-фан спросил о сущности (основе) церемоний. Философ сказал: «Как велик этот вопрос! В соблюдении церемоний лучше быть скромным, а в исполнении траурных церемоний лучше проявлять скорбь, чем благолепие».

5 Философ сказал: «У восточных и северных варваров есть правители, не то что в Китае, где их нет».

6 Перед отправлением вельможи Цзи на гору Тай-шань для принесения жертвы Философ, обратившись к Жань-ю, сказал: «Не можешь ли ты переубедить его?» Тот ответил: «Не могу». Тогда Философ сказал: «Увы! Ужели дух горы Тай-шань хуже Линь-фана?»

Принесение жертв знаменитым, горам и рекам составляло привилегию императоров. Впрочем, и удельные князья пользовались правом принесения жертв духам известных гор и рек, но только лежащих на территории их владений. Таким, образом, принесение жертвы духу горы Тай-шань, лежавшей в пределах княжества Лу, вельможею Цзи было предвосхищением прав луского князя.

7 Философ сказал: «Благородный муж ни в чем не состязается, а если уж необходимо, то разве в стрельбе; но и в этом случае он поднимается в зал, приветствуя своих соперников и уступая им, а спустившись – пьет чару вина. И в этом состязании он остается благородным.

Состязающиеся в стрельбе в составе трех пар вступают на арену, которую служит галерея, попарно, делая друг другу три приветствия и стараясь выразить знаки взаимной уступчивости. По окончании состязания они спускаются все вместе; победитель делает приветствие побежденным и пьет чару вина.

8 Цзы-ся спросил: «Что значит стих Ши-цзина: “Прелестна ее лукавая улыбка, выразительны ее прекрасные очи, словно разрисованные по грунту?”» Философ сказал: «Разрисовка производится после грунтовки». «В таком случае и церемонии отходят на задний план», – сказал Цзы-ся. Философ сказал: «Понимающий меня – это Шан (Цзы-ся), с которым только и можно говорить о Ши-цзине».

Смысл этого разговора заключается в том, что как в живописи грунт является основой для рисования, так и преданность и искренность являются основами, сущностью церемонии или правил, определяющих жизнь человека, которые поэтому, как наружное проявление этих принципов, занимают второстепенное место.

9 Философ сказал: «О сяских церемониях (правилах жизни) я мог бы говорить, но дело в том, что удел Ци не дает для этого достаточных данных; мог бы я говорить и об иньских церемониях, но сунский удел не дает для этого достаточных данных по недостатку записей и творений мудрых людей; если бы их было достаточно, то я мог бы сослаться на них».

Циские князья происходили от Юя, а сунские – от династии Инь, и таким образом они являлись хранителями старых уставов и правил, но у них Конфуций не находит достаточных данных.

10 Философ сказал: «При великих жертвоприношениях царственному предку и праотцам его, после того как совершено возлияние ароматного вина, у меня уже нет охоты продолжать смотреть».

По совершении возлияния, которое совершалось в начале жертвоприношения для вызывания духов и с достаточным благоговением, остальная часть обряда совершалась небрежно и потому с Конфуций, как строгий ритуалист, не хотел присутствовать при этом.

11 Некто спросил о значении великого жертвоприношения предку и праотцам его. Философ ответил: «Я не знаю, но кто-то знал, бы его значение, для того управление Вселенной было бы так же легко, как показать это», – и при этом он указал на ладонь.

Так как в этом обряде выражается память об отдаленных усопших, которая, говорят толкователи, возможна только для людей, достигших высшей степени гуманности, сыновней почтительности, искренности и уважения, то естественно, что для лица, обладающего такими нравственными совершенствами, и притом в такой высокой степени, управление патриархальным Китаем, было бы делом весьма легким.

12 Приноси жертву предкам с таким благоговением, как будто бы они сами присутствуют здесь. Приноси жертву духам, как будто бы духи присутствуют при этом. Философ сказал: «Если я не участвую лично в жертвоприношениях, то это как будто я не приносил их вовсе».

Чэн-цзы говорит: «Я полагаю, что эти слова записаны были учениками Конфуция, как выражение того, с каким почтением (искренностью) он относился к жертвам. А между прочим, мы прибавим, что когда у него спрашивали о духах или загробном мире, то он отзывался неведением».

13 Ван Сун-цзя спросил: «Правда ли то, что говорят: Лучше угождать духу домашнего очага, чем духу юго-западного угла комнаты?» Философ сказал: «Неправда. Если оскорбишь Небо, то некому будет молиться».

В числе жертвоприношения пяти духам – духу дверей в начале весны, духу центра комнаты в середине лета, духу ворот осенью, духу дороги зимою – мы находим жертву духу домашнего очага, которому она приносилась в начале лета. Для этого табличка с именем духа очага ставилась на загнетке; по окончании жертвоприношения предложения переносились в юго-западный почетный угол навстречу лицу, изображавшему духа очага. Таким образом, главенство в жертвоприношении, несмотря на почетное положение юго-западного угла, принадлежит такому низкому месту, как очаг, так как в это время он является заправителем дела. Ван Сун-цзя хотел этим примером сказать, что Конфуцию было бы выгоднее угождать ему, всесильному вельможе-временщику, чем бессильному князю. Ван Сун-цзя был вэйским вельможей.

14 Философ сказал: «Династия Чжоу почерпнула для себя образцы из двух династий, и поэтому так прекрасны ее правила. Я намерен следовать им».

15 Философ, войдя в храм предков, спрашивал о каждой вещи. Тогда некто сказал: «Кто говорит, что сын изоуского уроженца знает церемонии? Вступил в Великий храм и расспрашивает о каждой вещи!» Услышав это, Конфуций сказал: «Это-то и есть правило вежливости».

Цзоу – название города в луском княжестве, правителем которого был отец Конфуция Шу Лян-хэ.

16 Философ сказал: «При стрельбе из лука суть дела не в том, чтобы попасть в центр мишени, а чтобы вообще попасть в мишень, потому что силы не у всех одинаковы. Это древнее правило состязания».

В древности стрельба из лука служила для воспитания духа и для проявления искусства, а не силы; а потому в состязательной стрельбе вся суть заключалась не в том, чтобы пронизать центр мишени, что составляет дело силы, а только попасть в цель, что есть дело искусства. В смутный период уделов, эпоху всеобщей борьбы, от стрельбы уже требовалось не только искусство, но и сила.

17 Цзы-гун хотел отменить принесение в жертву живого барана при объявлении в храме предков о наступлении первых чисел каждого месяца. На это Философ заметил: «Цы жаль барана, а мне жаль церемоний».

В древности император при наступлении зимнего поворота рассылал вассальным князьям календарь с обозначением первых чисел каждого месяца наступающего года. Князья хранили его в храме предков и первого числа каждого месяца, принося в жертву предкам живого барана, спрашивали у них разрешения на обнародование календаря.

18 Философ сказал: «Служение государю с соблюдением всех правил люди признают за лесть».

19 Князь Дин-гун спросил: «Как государь должен обходиться с чиновниками и как последние должны служить государю?» Философ ответил: «Государь должен обходиться с чиновниками вежливо, а чиновники должны служить ему с преданностью».

Дин-гун – луский князь по имени Сун.

20 Философ сказал: «Песнь Гуань-цзюй выражает веселье без излишества и печаль, не переходящую в сокрушение».

«Гуань-цзюй» – так называется первая песнь «Ши-цзина» из главы «Нравы царств». Песня эта, говорят, относится к жене Вэнь-вана, обладавшей всеми совершенствами прекрасного пола.

21 Ай-гун спросил Цзай-во относительно жертвенника духу-покровителю Земли. Цзай-во отвечал: «Сяские государи обсаживали жертвенники соснами, иньские – кипарисами, а чжоуские – каштанами, чтобы заставить народ трепетать». Услышав об этом, Философ сказал: «Когда дело сделано, нечего говорить о нем, делу дан ход, нечего соваться с увещаниями и за прошлое нечего винить».

Эти самые деревья служили олицетворением духа земли, который будто бы вселялся в них, как ныне, например, люди называют какое-нибудь дерево святым.

Фраза «чтобы заставить народ трепетать», сама по себе непонятная, объясняется тем, что знак ли, «каштан», в то же время имеет значение «трепетать», и потому чжоусцы, сажая в ограде жертвенника земли каштаны, как бы имели целью внушить трепет, народу. И действительно, это было страшное место, потому что в древности здесь казнили заслушание царских приказаний; во время походов возили с собою дщицу, представлявшую духа земли, и перед нею казнили ослушников.

Цзай-во-ученик Конфуция по имени Юй, луский уроженец.

22 Конфуций сказал: «Гуань-чжун – малоспособный человек!» Некто сказал: «Правда ли, что Гуань-чжун экономен?» На это последовал ответ: «У него был бельведер с тремя входами, и разные должности не соединялись в одном лице; как же его можно назвать экономным?» Некто вновь спросил: «В таком случае он, может быть, знает церемонии?» На это Конфуций ответил: «У владетельного князя поставлен перед воротами щит, и Гуань-чжун также поставил у себя перед воротами щит; у владетельного князя есть подставка (буфет) для опрокидывания чарок при дружеском свидании двух государей, Гуань-чжун также устроил такую же подставку. Если он знает церемонии, то кто же тогда их не знает?»

Гуань-чжун (во 2-й половине VII столетия до Р. Х.) – циский вельможа по имени И-у, который содействовал цискому князю Хуаню в приобретении первенствующего положения между всеми удельными князьями. Все эти насмешки Конфуция над Гуань-чжуном объясняются тем, что он не был поклонником его доктринерства и, конечно, Гуань-чжун был в его глазах человеком узких взглядов.

23 Философ, объясняя музыку главному лускому капельмейстеру, сказал: «Музыку, ее можно знать: сначала настраивают инструменты, затем звуки должны быть гармоничны, отчетливы и литься непрерывно до окончания пьесы».

24 Пограничный чиновник города И просил дозволения представиться Конфуцию, говоря: «Всякий раз, как благородный муж жаловал сюда, я никогда не лишался возможности видеть его». Ученики Конфуция ввели чиновника. По удалении его Конфуций сказал: «Дети мои, чего вы беспокоитесь, что я потерял место? Империя давно уже находится в бес-

порядке, и Небо хочет, чтобы ваш Учитель был колоколом с деревянным языком (провозвестником истины)».

Факт этот, говорят, относится к тому времени, когда Конфуций, потеряв место президента Уголовной палаты в уделе Лу, удалился оттуда.

25 Философ отозвался о музыке Шао (Шуня), что она вполне прекрасна и вполне нравственна, а о музыке У-вана, что она вполне прекрасна, но не вполне нравственна.

Такая разница в характеристике музыки Шуня и У-вана обуславливается тем, что первый получил престол мирным путем посредством уступки его Яо и является идеалом мирного государя, тогда как У-ван достиг его силою оружия и является идеалом воинственного государя.

26 Философ сказал: «Когда правитель не великодушен, в исполнении церемоний невнимателен и во время траура не выражает скорби, то где же у меня критерий для суждения о его деятельности?»

Глава IV

Прекрасна та деревня

1 Философ сказал: «Прекрасна та деревня, в которой господствует любовь. Если при выборе места мы не будем селиться там, где царит любовь, то откуда можем набраться ума?»

2 Философ сказал: «Человек, не имеющей любви, не может долго выносить бедность и не может постоянно пребывать в радости. Человеколюбивый находит спокойствие в любви, а мудрый находит в ней выгоду».

В первом случае человеколюбие отождествляется с человеком; я – это человеколюбие, человек – это я, а во втором – оно раздвояется, т. е. сердце человека и человеколюбие не составляют одного целого. Впрочем, тот и другой исполняют требования человеколюбия, но первый побуждается к этому самим же человеколюбием, а второй – выгодой.

3 Философ сказал: «Только гуманист может любить людей и ненавидеть их».

Такое право приобретается им в силу того, что только он обладает, полнейшим беспристрастием, бескорыстием и правотою.

4 Философ сказал: «Если у кого есть искреннее стремление к гуманности, то тот не сделает зла».

5 Конфуций сказал: «Богатство и знатность составляют предмет человеческих желаний, но благородный муж ими не пользуется, если они достались незаконным путем. Бедность и низкое положение служат для человека предметом отвращения, но благородный муж не гнушается ими (не отвергает их), если они не заслужены. Как может благородный муж пользоваться этим именем без гуманности? Благородный муж ни на час не расстается с гуманностью, в суматохе и в разорении она непременно с ним».

Благородный муж потому и признается благородным мужем, что он гуманен.

6 Философ сказал: «Я не видел человека, любящего гуманность, который бы ненавидел негуманность, потому что гот, кто любит гуманность, ставит ее превыше всего: тот, кто ненавидит негуманность, поэтому и будет поступать гуманно и не допускать ничему негуманному прикасаться к нему. Но я не видел, чтобы у человека не достало сил быть гуманным, если бы он хоть однажды смог приложить для этого старание. Может быть, и есть, но я не видел такого».

7 Философ сказал: «Погрешности людей соответствуют их категориям и, наблюдая погрешности человека, можно знать, гуманен он или нет».

8 Философ сказал: «Если человек поутру постигает истинный закон вещей, то вечером он может умереть без сожаления».

9 Философ сказал: «С ученым, который, стремясь к истине, в то же время стыдится плохого платья и дурной пищи, не стоит рассуждать об Учении».

10 Философ сказал: «Благородный человек в мире (в делах мира) ничего не предпринимает, а действует, сообразуясь со справедливостью».

11 Философ сказал: «Благородный муж думает о добродетели, а низкий – о спокойствии; благородный муж боится закона, а низкий – жаждет корысти».

12 Философ сказал: «Кто поступает корыстно, тот вызывает против себя ропот недовольства».

13 Философ сказал: «Если кто сможет управлять государством с уступчивостью, требуемой церемониями, то какие затруднения встретит он в этом? Если кто не будет в состоянии управлять государством с уступчивостью, к которой обязывают церемонии, то для чего ему эти церемонии?»

Уступчивость есть сущность церемоний, или житейских правил.

14 Философ сказал: «Не беспокойся, что у тебя нет должности, а беспокойся, каким образом устоять на ней; не беспокойся, что люди не знают тебя, а старайся поступать так, чтобы тебя могли знать».

15 Философ сказал: «Шэнь! Мое Учение проникнуто одним началом?» «Да», – отвечал Цзэн-цзы, не задумываясь. Когда Философ вышел, то ученики спросили его: «Что это значит?» Цзэн-цзы отвечал: «Это значит, что Учение нашего Учителя заключается в искренности и снисходительности».

Единое начало – это искренность непреложная и непрестанная.

16 Философ сказал: «Благородный муж знает долг, а низкий человек знает выгоду».

17 Философ сказал: «При виде достойного человека думай о том, чтобы сравняться с ним, а при виде недостойного – исследуй самого себя (из опасения, как бы у тебя не было таких же недостатков)».

18 Философ сказал: «Служа родителям, следует осторожно увещевать их; если заметишь, что они не слушают, увеличь почтительность, но не оставляй увещеваний; будут угрожать тебе, не ропщи».

Толкователи идут даме: сын не должен роптать на родителей даже в том случае, если они за обращенные к ним увещания подвергнут его жестоким побоям.

19 Философ сказал: «Когда родители живы, не отлучайся далеко, а если отлучишься, то чтобы место пребывания непременно было известно».

20 Философ сказал: «Кто в течение трех лет не изменит отцовских порядков, того можно назвать почтительным сыном».

21 Философ сказал: «Нельзя не помнить возраста своих родителей, чтобы, с одной стороны, радоваться за их долголетие, а с другой – опасаться, как бы преклонный возраст не свел их в могилу».

22 Философ сказал: «В древности не давали легкомысленного слова из опасения посрамиться неисполнением его».

23 Философ сказал: «Редко подвергаются ошибкам те, которые ведут себя сдержанно».

24 Философ сказал: «Благородный муж желает быть медленным на слова и бодрым на дела».

25 Философ сказал: «Добродетель не бывает одинокою, у нее непременно есть последователи (соседи)».

26 Цзы-ю сказал: «Служа государю, если будешь надоедать ему своими увещеваниями, то навлечешь срам, а если будешь надоедать ими другу, то он охладет к тебе».

Глава V Гун Е-чан

1 Философ сказал о Гун Е-чане, что его можно женить, несмотря на то, что он [был некогда] связан [тюремными] узами, ибо это не его вина, с чем и женил его на своей дочери.

Гун Е-чан, ученик Конфуция, возвращаясь из Вэй в Лу, услышал крик птиц, направлявшихся к горному ручью клевать там труп человека. Спустя немного времени он увидел плачущую старуху, которая на вопрос о причине ее плача отвечала, что ее сын, отлучившийся несколько дней тому назад, до сих пор не возвращается, – вероятно, он уже умер. На это Е-чан отвечал: «Сейчас стая птиц направилась к горному ручью клевать человеческий труп». Отправившаяся к ручью старуха, узнав в трупе своего сына, заявила об этом деревенским властям, которые спросили ее, откуда она узнала все это. Старуха передала им свой разговор с Е-чаном, которого и арестовали по подозрению в убийстве.

2 Философ сказал о Нань-жуне: «В государстве, где есть закон, он не пропадет; где нет его – избежит казни», – и вследствие этого женил его на своей племяннице.

Нань-жун – ученик Конфуция по имени Тао, иначе Го, по прозванию Цзы-жун, имевший посмертный титул Цзин шу.

3 Философ сказал о Цзы-цзяне: «Какой благородный муж этот человек! Если бы в Лу не было благородных людей, то откуда у него взялись бы такие достоинства?»

Цзы-цзянь – ученик Конфуция по имени Буци, по фамилии Ми, луский уроженец.

4 Цзы-гун спросил: «А я, Цы, каков?» – «Ты полезный сосуд», – сказал Философ. Цзы-гун спросил: «Какой сосуд?» Учитель ответил: «Жертвенный сосуд для хлеба в храме предков».

5 Некто сказал: «Юн – человек гуманный, но не говорун». Философ сказал: «К чему нужна говорливость? Парировать людям софизмами – вызывать в них отвращение к себе. О его гуманизме я не знаю, но к чему ему красноречие?»

Юн – ученик Конфуция по фамилии Жан, по прозванию Чжун-гун, луский уроженец.

Философ послал Ци Дяо-кай служить. Тот отвечал: «Я не могу быть уверен в том, что гожусь для этого». Конфуций остался доволен.

Ци Дяо-кай – ученик Конфуция по прозвищу Цзы-жо, цайский уроженец.

7 Философ сказал: «Учение мое плохо распространяется; сяду на плот и достигну по реке моря. Сопровождать меня будет, вероятно, Ю». Цзы-лу, услышав это, обрадовался. Тогда Философ сказал: «Ю! Храбростью ты превосходишь меня, но у тебя нет никакой сметки».

8 Мэн У-бо спросил: «Гуманен ли Цзы-лу?» Философ сказал: «Не знаю». Тот спросил его в другой раз. Тогда Философ сказал: «В удельном княжестве, располагающем 1000-ю колесниц, Цзы-лу можно поручить управление войском, но я не знаю, гуманен ли он». Мэн У-бо вновь спросил: «А каков Цю?» Конфуций ответил: «Цю можно сделать правителем города в 100 семей или владения фамилии, имеющей 100 колесниц, но гуманен ли он, я не знаю». «А Чи каков?» – вновь поинтересовался Мэн У-бо. Философ ответил: «Чи, если он наденет пояс и станет во дворце, то ему можно поручить занимать чужеземных гостей, но гуманен ли он, я не знаю».

Чи – ученик Конфуция по фамилии Гун-си, по прозвищу Цзы-хуа, луский уроженец.

9 Философ, разговаривая с Цзы-гуном, спросил: «А из вас с Хуэем кто лучше?» Цзы-гун ответил: «Как я осмелюсь сравнивать себя с Хуэем? Если он услышит о чем-либо одно,

то, основываясь на этом одном, узнает о нем все. А я, услышав о чем-либо одно, узнаю только вдвое». Философ сказал: «Да, это верно, я согласен, что ты неравен ему».

10 Цай-юй заснул днем. Философ сказал: «Гнилое дерево не годится для резьбы, равным образом стена, сложенная из навоза, не годится для штукатурки. Стоит ли упрекать Юя?» Потом он добавил: «В сношениях с людьми я сначала слушал их речи и верил их действиям, а теперь я слушаю их речи и наблюдаю, смотрю за их поступками. Такая перемена произошла во мне благодаря Юю».

Только что приведенным сравнением Конфуций хочет сказать, что людей ленивых и омраченных нет возможности наставлять, так как у них парализованы и воля, и ум.

11 Философ сказал: «Я не видал твердого человека». «А Шэнь-чэн?» – отвечал кто-то. «Чэн – человек похотливый (со страстями), где же ему быть твердым?»

Шэнь-чэн – ученик Конфуция, луский уроженец.

12 Цзы-гун сказал: «Чего я не желаю, что бы другие делали мне, того я не желаю делать другим». На это Философ сказал: «Цы! Это для тебя недостижимо».

13 Цзы-гун сказал: «Наружные совершенства Учителя могут быть известны, но его рассуждения о природе вещей и о небесных законах нам не могут быть известны». *Потому что Конфуций редко говорил о них, так объясняют толкователи.*

14 Цзы-лу боялся услышать что-нибудь новое, прежде чем услышанное им ранее могло быть приведено в исполнение.

Другой перевод: «Цзы-лу, услышав что-нибудь доброе, чего он покуда еще не мог привести в исполнение, боялся только, как бы не услышать еще чего-нибудь нового».

15 Цзы-гун спросил: «Почему Кун Вэнь-цзы назвали „образованным“?» На это Философ сказал: «Несмотря на быстрый ум, он любит учиться и не стыдится обращаться с вопросами к низшим, поэтому-то его и назвали образованным».

Кун Вэнь-цзы – вэйский вельможа по имени Юй. Кун – это его фамилия, а «Вэнь-цзы» (образованный муж) – это посмертный титул, который был дан ему за любовь к знанию. Между тем об этом, господине рассказывают, что он отбил у другого его жену, а когда этот последний вступил в связь с ее сестрой, то, восплавав гневом, этот господин принудил его бежать в другое царство.

16 Конфуций отозвался о Цзы-чане, что он обладал четырьмя качествами благородного мужа: скромнен по своему поведению, почитателен к старшим, щедр в пропитании народа и справедлив в пользовании его трудом.

Цзы-чань – прозвище чжэнского вельможи Гун Сунь-цяо.

17 Философ сказал: «Янь Пинчжун был искусен в обращении с людьми, сохраняя к ним почитательность и после продолжительного знакомства».

Янь Пин-чжун – циский вельможа по имени Ин.

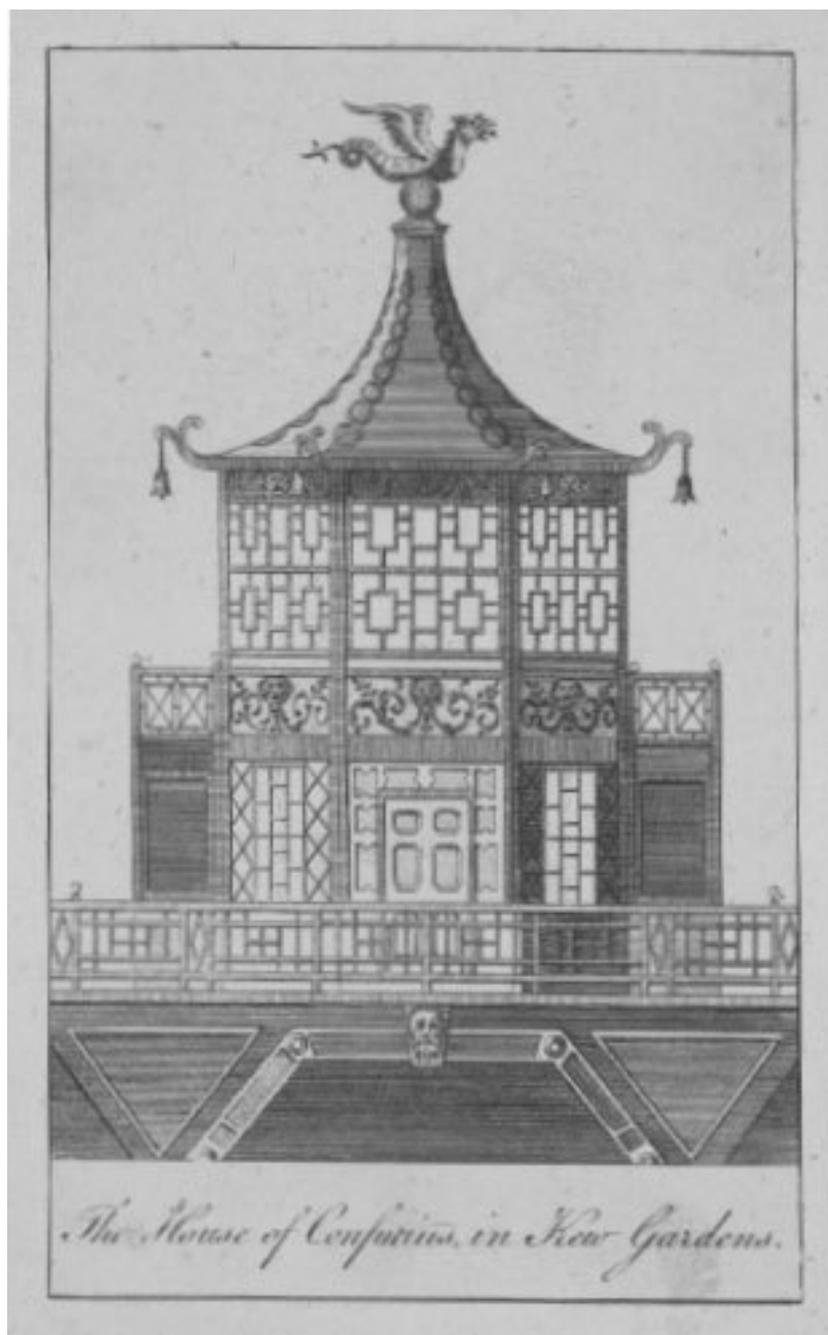
18 Философ сказал: «Цзан Вэньчжун посадил большую черепаху в комнату, в которой на капителях были вырезаны горы, а на столбиках над матицей нарисованы были водяные растения. Каков же его ум?»

Как видно из объяснений, мотивом для устройства такого роскошного помещения для черепахи служило то, что этот господин считал черепаху породы цай за божество и приносил ей жертвы, а Конфуций признавал это за суеверие – продукт невежества и потому, конечно, не мог считать Вэнь-чжуна за человека умного. Впрочем, черепаха и до сих пор у соотечественников мудреца находится в числе пяти предметов поклонения, пред одним из которых, а именно змеей, во время наводнения в Тянь-цзине преклонял колена такой знаменитый государственный и ученый муж, как покойник Ли Хун-чжан. Цзан Вэнь-чжун – луский вельможа.

19 Цзы-чжан спросил Конфуция, какого он мнения о министре Цзы-вэне, который, трижды занимая эту должность, не выражал радости и, трижды покидая ее, не высказывал неудовольствия и при этом непременно объяснял новому министру прежние правительственные распоряжения (т. е. свои). Философ сказал: «Преданный человек». «А гуманный ли он?» – продолжал Цзы-чжан. «Не знаю, каким же образом он мог быть гуманистом», – ответил Конфуций. Цзы-чжан вновь спросил: «А что Вы скажете о Чэнь Вэнь-цзы, который, имея 10 четверок коней, когда Цуйцзы убил циского князя, бросил их и бежал; прибыв в другое государство и сказав, что “и здесь люди походят на нашего вельможу Цуй-цзы”, оставил это государство и прибыл в другое; и опять сказав, что “и здесь люди походят на нашего вельможу Цуй-цзы”, он покинул и это государство?» Конфуций сказал: «Безупречный человек». Цзы-чжан вновь спросил: «А гуманист ли он?» «Не знаю, – отвечал Философ, – откуда бы ему быть гуманистом?»

Цзы-вэнь – чуский министр по фамилии Доу, а по имени Ду-у-ту. Он был прижит от незаконного сожительства, и потому бабка приказала бросить его, но потом, увидев во сне, что его кормит своими сосцами тигрица, приказала немедленно подобрать его и назвала его Гу-у-ту; Гу, на чуском наречии значит «сосцы», «кормить грудью», а у-ту – «тигр», и, таким образом, полное имя будет значить «вскормленный тигрицею».

Цуй-цзы – циский вельможа по имени Чу; циским князем был в то время Чжуан, по имени Гуан. Чэнь Вэнь-цзы – также циский вельможа по имени Сюй-у.

20 Цзи Вэнь-цзы трижды подумает, а потом уже исполнит. Услышав об этом, Философ сказал: «И дважды довольно».

Цзи Вэнь-цзы – луский вельможа по имени Син-фу.

21 Философ сказал: «Когда в государстве царил закон, то Нин У-цзы был умен, а когда в государстве пошли беспорядки, он оказался глупым. С умом его можно поравняться, но с глупостью – нельзя!»

В княжение князя Вэня, когда удел Вэй наслаждался миром и тишиной, управление государственными делами не представляло особенных затруднений и с ними мог справиться так же хорошо всякий другой, как и Нин У-цзы, и, следовательно, быть в этом случае равным ему по уму. Но когда, благодаря беспутному и безнравственному князю Чэну, в государстве поднялись смуты и крамолы и оно очутилось на краю гибели, тогда благоразумные люди, не желая рисковать своей жизнью, удалились от службы, предпочитая в без-

опасных местах оставаться равнодушными зрителями развивающихся событий, и только один Нин У-цзы оказался настолько глупым, что, не дорожа своей шкурой, истощал все свои усилия к подавлению смуты и восстановлению порядка. Вот с этой-то глупостью трудно кому бы то ни было равняться.

22 Философ, находясь в уделе Чэнь, сказал: «Надо возвратиться! Мои детки стали высокоумны и небрежны в деле; хотя внешнее образование их и закончено, но они не знают, как сдерживать себя».

Слова эти были сказаны Конфуцием после продолжительного и утомительного странствования, безрезультатного и исполненного разочарований, так как его излюбленные политические доктрины нигде не встретили полной симпатии и искренней готовности к их осуществлению.

23 Философ сказал: «Бо-и и Шу-ци не помнили прежнего зла, поэтому-то на них и роптали мало».

24 Философ сказал: «Кто говорит, что Вэйшэн-гао – прямой человек? Кто-то попросил у него укуса, он выпросил у соседа и дал».

Вэйшен-гао (Вэй Шэнгао) – уроженец княжества Лу.

25 Философ сказал: «Цзо Цю-мин стыдился лукавых речей, вкрадчивой наружности и чрезмерной почтительности, и я также стыжусь их. Цзо Цю-мин стыдился дружить с человеком, против которого таил в душе неудовольствие, и я стыжусь этого».

26 Философ, обратившись к присутствовавшим Янь-юаню и Цзы-лу, сказал: «Почему каждый из Вас не выскажет своих желаний?» Тогда Цзы-лу сказал: «Я желал бы иметь экипаж, лошадей и легкую шубу, которыми бы я делился с друзьями и не роптал бы, когда бы они пришли в ветхость». Янь-юань сказал: «Я желал бы не хвастаться своими совершенствами и не разглашать о своих подвигах». Цзы-лу сказал: «Мы хотели бы слышать о Ваших желаниях». Философ сказал: «Я желал бы старых успокоить, с друзьями быть искренним и малых лелеять».

По толкованию Чэн-цзы, основная мысль их всех – делиться с другими.

27 Философ сказал: «Да! Я не видал человека, который мог бы замечать свои погрешности и внутренне осуждать за них себя».

28 Философ сказал: «В маленьком селении непременно найдутся люди, преданностью и искренностью подобные мне, но не найдется таких, которые любили бы учиться, как я».

Глава VI

Юна можно поставить

1 Философ сказал: «Юна можно поставить лицом к югу». Тогда Чжун-гун спросил Конфуция о Цзы Сан-бо-цзы; тот отвечал: «Годится – он нетребователен». Чжун-гун спросил: «Разве нельзя управлять народом, будучи внимательным к самому себе и либеральным в деятельности? Но быть нетребовательным как к самому себе, так и к своей деятельности – разве это не будет уж слишком нетребовательно?» Философ сказал: «Слова Юна справедливы».

Юн – ученик Конфуция по имени Чжун-гун; он отличался великодушием, нетребовательностью и солидностью – качествами, необходимыми для государя, для правителя, который решает государственные дела, сидя на троне с лицом, обращенным на юг; а потому эта фраза является синонимом царской или княжеской власти.

2 Ай-гун спросил Конфуция: «Кто из Ваших учеников любит учиться?» Тот отвечал: «Был Янь-хуэй, который любил учиться, не переносил своего гнева на других и не повторял ошибок. К несчастью, его жизнь была коротка, он умер. Теперь таких нет. Не слышно, чтобы были любящие учиться».

Янь-хуэй – надежда Конфуция, единственный из учеников его, которого он признавал способным, распространить его Учение; умер 32-х лет.

3 Когда Цзы-хуа был отправлен в Ци, то Жань-цзы просил хлеба для его матери. Философ сказал: «Дай ей один фу (6 мер 4 гарнца)».

Жань-цзы просил прибавить. Философ сказал: «Дай ей один юй (16 мер)». Жань-цзы дал ей 5 бинов (80 мешков по 4 пуда 12 фунтов в каждом). Тогда Философ сказал: «Я слышал, что когда Чи (Цзы-хуа) отправился в Ци, то он поехал на сытой лошади и одет был в легкую (богатую) шубу. Благородный муж помогает нуждающимся, но не прибавляет к богатствам богатых».

4 Когда Юань-сы был при Конфуции управляющим и Конфуций давал ему 900 мер хлеба, то тот отказывался. Учитель сказал: «Не отказывайся, а возьми и раздай соседям, живущим с тобою в одном хуторе, деревне, селе или волости».

Юань-сы – ученик Конфуция по имени Сянь, бывший при Конфуции управляющим в то время, когда он сам был министром уголовных дел в Лу.

5 Философ отозвался насчет Чжун-гуна следующим образом: «Теленок от пестрой коровы, если он рыжий и притом с рогами, хотя бы люди и не пользовались им для жертвоприношения, разве духи гор и рек им погнушались бы?»

Этим Конфуций хотел сказать, что недостатки отца не могут затмить достоинств сына и что хотя отец Чжун-гуна человек низкий и дурной репутации, это несколько не мешает его сыну быть человеком полезным и прекрасным, точно так же, как рыжему и с удовлетворяющими норме рогами теленку от пестрой коровы, т. е. несовершенной по цвету, не мешает служить для такого великого дела, как жертвоприношение Небу. При династии Чжоу при великих жертвах у потреблялись быки рыжие.

6 Философ сказал: «О Хуэ я могу сказать, что сердце его в течение трех месяцев не различается с гуманностью, тогда как у других ее хватает на день, самое большее – на месяц».

Другой перевод: «Сердце Хуэ всегда остается гуманным, тогда как у других оно бывает таковым лишь временами».

По объяснению Чэн-цзы, этот трехмесячный срок взят потому, что он есть период смены времен года, представляющий собой нечто законченное целое.

7 Цзи Кан-цзы спросил Философа: «Можно ли допустить Чжун-ю до участия в управлении?» Тот ответил: «Ю – человек решительный. Что для него значит участвовать в управлении?» Цзи Кан-цзы спросил: «Ну, а Цю можно допустить?» Философ сказал: «Цю, он талантливый человек. Какая трудность для него участвовать в управлении?»

8 Ци-ши посылал Минь-цзы-цянь правителем города Ми. Минь-цзы-цянь сказал посланному к нему с известием: «Вежливо откажись за меня, а если в другой раз будет приглашать меня, то я непременно уйду на реку Вэнь».

Минь-цзы-цянь – ученик Конфуция по имени Сунь, луский уроженец.

9 Бо-ню заболел. Философ, навестив его, взял через окно его руку и сказал: «Умрет – такова судьба. Такой человек и умирает от такой болезни!»

Бо-ню, по фамилии Жань, по имени Цзин, луский уроженец. Согласно церемониям, больного, в случае посещения его владельческими особами, из-под северного окна, где он обыкновенно лежал, переносили под южное для того, чтобы лицо правителя оставалось обращенным на юг. Родные Бо-ню из уважения к Конфуцию тоже перенесли его под южное окно; но Конфуций отклонил эту честь.

Бо-ню умирал от проказы. Он был известен своими добродетелями и уступал в этом отношении только одному Янь-хуэю.

10 Философ сказал: «Какой достойный человек Янь-хуэй! Он довольствовался одною чашкою риса и одним ковшом воды и жил в отвратительном переулке. Другой бы не мог вынести этих лишений, а он не изменял своей веселости. Какой достойный человек Хуэй!»

11 Жань-цю сказал: «Не потому, чтобы я не находил удовольствия в твоём Учении, а сил у меня не хватает». Философ сказал: «Те, у которых не достаёт сил, останавливаются на полпути; теперь ты сам себя ограничиваешь».

Этим Конфуций хотел сказать, что Жан-цю имеет достаточно сил, но не хочет двигаться вперед.

12 Философ, обратившись к Цзы-ся, сказал: «Ты будь благородным ученым, а не низким человеком!»

То есть будь гуманистом, человеком, работающим для общей пользы, а не эгоистом.

13 Когда Цзы-ю сделался правителем города У-чэн, Философ спросил: «Что же, достал ли там себе порядочного человека?» Тот отвечал: «Есть некто Тань-тай Ме-мин, который не ходит по тропинкам окольным, а бывает у меня только по делам служебным (общественным)».

14 Философ сказал: «Мэн-чжи-фань не хвастался своими заслугами. Когда его войско обратилось в бегство, он следовал позади его, а при вступлении в город стегнул своего коня, сказав: “Я не смел бы оставаться позади, да конь не шел вперед”».

Мэн-чжи-фань, луский вельможа по имени Це, это тот самый, который, по замечанию г-на Ху, у Чжуан-цзы известен под именем Мэн-цзы-фаня.

15 Философ сказал: «Без красноречия Чжу-То и красоты сунского принца Чжао трудно избежать ненависти в наш век».

Чжу – название чина в храме предков. То – вэйский вельможа по прозванию Цзы-юй, известный своим красноречием. Сунский принц Чжао, известный своей красотой и развратом, пользовался благосклонностью своей сестры, известной развратницы, вэйской княгини Нань-цзы.

16 Философ сказал: «Кто выходит не через дверь? Но почему же не идет по этому пути?»

То есть кратчайшему, не держится истинного Пути, Учения и т. д.

17 Философ сказал: «Когда природа берет перевес над искусственностью, то мы имеем грубость, а когда искусственность преобладает над природой, то мы имеем лицемерие; и только пропорциональное соединение природы и искусственности дает благородного человека».

18 Философ сказал: «Человек от рождения прям и если потом, искривившись, остается цел, то это по счастливой случайности».

19 Философ сказал: «Тот, кто знает Учение, уступает тому, кто находит в нем удовольствие».

20 Философ сказал: «С человеком, способности которого выше посредственных, можно говорить и о высоких предметах, а с тем, у которого они ниже посредственных, нельзя».

21 Фань-чи спросил: «Кого можно назвать умным?» Философ ответил: «Умным можно назвать того, кто прилагает исключительное старание к тому, что свойственно человеку, почитает духов, но удаляется от них». «А человеколюбивым?» – спросил Фань-чи. «А чело-

веколюбивым, – сказал Философ, – можно назвать того, кто на первом плане ставит преодоление трудного (т. е. победу над собой), а выгоду – на втором».

22 Философ сказал: «Умный находит удовольствие в воде, потому что он видит в ней, вечно текущей, неустанную и никогда не знающую покоя силу ума в его стремлении к познанию истины; тогда как гуманный любит горы как символ постоянства и незыблемости тех непреложных и неизменных основ, из которых вытекает гуманизм».

23 Философ сказал: «Одна эволюция в царстве Ци, и оно сравняется в нравственном отношении с царством Лу, одна эволюция в этом последнем, и оно достигнет истинного Пути».

Во времена Конфуция нравы удела Ци отличались погоней за славой и корыстью и страстью к хвастовству и лжи, как остаткам тирании, тогда как в Лу ценили церемонии и знание и уважали искренность и правду как остатки бывшего славного времени прежних царей – разумеются, конечно, неизменные Яо и Шунь. По правде говоря, мы, однако, не замечаем, чтобы удел Лу во времена Конфуция особенно отличался этими добродетелями.

24 Философ сказал: «Кубок без грани – разве это кубок?»

В древние времена, говорят толкователи, кубки делались круглыми, без грани. Этим изречением Конфуций хотел сказать, что всякий предмет, потерявший свои существенные признаки, уже перестает быть этим предметом. Например, человек без человеколюбия уже не есть человек и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.